

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Каждый день мы, как в зеркало, смотримся в прошлое и поражаемся тому, как короток путь к старым тайнам. Но он оказывается еще короче, когда в дорогу зовут волшебные колокольчики, обещающие путнику мудрость и гармонию...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Колокольчики династии Минь

Annotation

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага — гласит китайская пословица. Дорога к общей тайне и общей судьбе, связавшей Ию, Инну, Ирину и Илону, началась в одном вагоне метро, где они случайно — или по воле высших сил — оказались рядом. Теперь помимо первой буквы имени их объединяют колокольчики — средневековый талисман, способный защитить своего владельца от злых духов. Но как каждой из них защитить сам колокольчик, если драконы, которых удалось укротить в Средневековье, снова обрели силу — на этот раз за тысячи километров от владений династии Минь?..

Наталья Александрова

Колокольчики династии Минь

© Александрова Н.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Немолодой худощавый мужчина быстро шел по пустынной улице.

Поздняя осень уже опускала на город ранние тусклые сумерки, скрывая и затушевывая мрачные здания из темно-красного кирпича, бывшие заводские корпуса и доходные дома. Трудно было представить, что где-то близко по оживленным улицам струится нарядная толпа, люди возвращаются с работы, спешат в гости, в кино, в театр.

На этой улице не было ни души.

Ни души?

Нет, позади, совсем близко, мужчина слышал приближающиеся, неотвратимо догоняющие его шаги. Он пошел быстрее — но преследователь не отставал.

Мужчина резко остановился, оглянулся и увидел в густой тени возле стены дома сутулую фигуру. Опущенный капюшон скрывал лицо преследователя, только бледные глаза светились в темноте, как два тусклых огня. Преследователь не торопился, видимо, охота доставляла ему удовольствие, и он понимал, что она подходит к концу.

Мужчина развернулся и пошел быстрее, но преследователь тоже прибавил шаг. Стало трудно дышать, сердце колотило, мучительно, неровно бухало в груди. Еще две-три минуты, и преследователь догонит его, и тогда... тогда... тогда все будет кончено.

Впереди, совсем близко, из сгущающихся сумерек выплыло пятно яркого света — вывеска какой-то дешевой забегаловки. Светящаяся вывеска не оставляла никаких сомнений — «Рюмочная», только первая буква то и дело гасла и снова загоралась.

Мужчина пошел еще быстрее, едва не перешел на бег, рванул дверную ручку и вошел в тепло и свет.

Прежде он ни за что не зашел бы в такое заведение — заурядная рюмочная, вполне под стать этому мрачному, неприветливому району. Здесь можно было выпить дешевой водки и закусить ее самой немудрящей закуской. Само это заведение и все здешние завсегдатаи словно перенеслись сюда на машине времени из эпохи застоя, а то и из куда более ранних времен — казалось, за соседним столиком можно увидеть пьяненького Мармеладова, мрачного Родиона Раскольников или еще кого-нибудь из героев Достоевского.

За стойкой возвышалась огромная буфетчица с густо накрашенным лицом, похожая на языческого идола.

Худощавый мужчина взял у нее рюмку водки, тарелку с жирной селедкой и отварной картошкой, щедро посыпанной укропом, сел за свободный столик возле окна.

Тут же к его столику подошел обрюзгший человек с трехдневной щетиной, уставился слезящимся заискивающим взглядом бездомной собаки и проговорил:

— Простите великодушно, мы с вами прежде не встречались? Вы раньше не работали в

НИИ токов особенно высокой частоты? Может, угостите бывшего сослуживца?

Мужчина ничего не ответил, он только поднял глаза на «сослуживца» — но тот побледнел и тут же ретировался, пробормотав что-то испуганное и невнятное.

Мужчина опрокинул водку в рот, не почувствовав вкуса, ткнул вилку в закуску, но прежде чем закусить, выглянул в окно.

И там, по другую сторону стекла, увидел бледные глаза, пристально и безжалостно глядящие на него из-под низко опущенного капюшона. Глаза охотника.

Есть сразу расхотелось. Сердце мучительно закололо, воздух стал тяжелым и вязким.

Он давно уже понял, что конец близок, и только оттягивал неизбежное, пытаясь выторговать у судьбы еще несколько жалких минут.

Может быть, прекратить эту бесполезную борьбу? Сдаться? Опустить руки?

Смерть казалась выходом, облегчением.

Но нет, он не мог. У него было важное дело, более важное, чем сама его жизнь.

Мужчина быстро огляделся и увидел позади стойки неплотно прикрытую дверь с лаконичной табличкой «Вход воспрещен». Он быстро встал, проскользнул мимо стойки, рванул эту дверь.

Буфетчица развернулась к нему, открыла огромный малиновый рот, собравшись что-то заорать, но он уже захлопнул за собой дверь, пробежал по темному коридору, толкнулся в следующую дверь — и снова оказался на улице.

Совсем на другой улице.

Здесь горели фонари, шли по своим делам люди, и совсем рядом, в десятке шагов, виднелся вход в метро.

Мужчина перевел дыхание, но расслабляться было некогда.

Он скатился по ступенькам, подошел к турникету, стараясь не бежать, чтобы не вызвать подозрение дежурных, прошел через турникет и шагнул на эскалатор.

И не удержался — обернулся в последний момент.

Увидел возле самого турникета сутулую фигуру, опущенный капюшон, тускло горящие под ним бледные глаза...

Сердце снова мучительно защемило.

Мужчина пошел вниз по эскалатору, стараясь не бежать, но не удержался, перешел на бег. Из динамиков раздался недовольный голос дежурной:

— Не бегите по эскалатору! Мужчина, я вам говорю — не бегите по эскалатору!

Мужчина перешел на шаг.

Он старался взять себя в руки, старался успокоиться, выровнять дыхание — но он чувствовал спиной пристальный, тяжелый взгляд преследователя — и не выдержал, обернулся.

И сразу увидел позади, среди людей на эскалаторе тускло горящие под опущенным капюшоном бледные глаза.

И не выдержал — снова побежал.

— Мужчина! — снова завелась дежурная. — Мужчина, не бегите, я же вам говорю!

Но он не слушал ее.

К счастью, эскалатор кончился, он выбежал на платформу как раз в тот момент, когда к ней с лязгом и грохотом подъехал поезд.

Двери разъехались, почти никто не вышел, и мужчина с трудом втиснулся в набитый вагон. При этом он наступил на ногу какой-то толстой тетке, та зашипела, как раскаленная

сковорода, разинула рот, чтобы высказать все, что о нем думает, но, столкнувшись с его отчаянным, опустошенным взглядом, испуганно замолчала, протиснулась подальше — от греха.

А мужчина выглянул в окно и увидел, как человек в опущенном на глаза капюшоне подбежал к двери вагона и успел в последний момент протиснуться между сдвигающимися створками.

Сердце снова защемило, как будто это его сдавили створки вагонных дверей.

Поезд тронулся.

Мужчина приподнялся на цыпочки и увидел, как человек в опущенном на лицо капюшоне протискивается сквозь плотно сдавленную человеческую массу.

Еще немного, еще совсем немного — и он будет рядом.

И тогда...

Нет, он должен сделать еще одно дело.

Он не может допустить, чтобы это досталось тому человеку. Не может, чего бы это ни стоило.

Мужчина огляделся по сторонам.

Рядом с ним стояла ухоженная, хорошо одетая молодая женщина. Такие, как она, редко попадают в метро, особенно в час пик. Обычно такие женщины ездят на собственных машинах. Лицо недовольное, раздраженное, может быть, потому, что не привыкла ездить в общественном транспорте и все ее здесь нервирует. Но мужчину ее настроение сейчас ничуть не занимало. Он скосил глаза и увидел ее сумку. Хорошая, дорогая сумка фирмы Louis Vuitton. «Молния» с одного края была слегка расстегнута.

Отлично, это ему на руку.

Мужчина запустил руку во внутренний карман своего плаща, нащупал там один из свертков, осторожно достал его. Быстро, опасливо огляделся, убедился, что на него никто не смотрит, и неуловимым движением просунул сверток в сумку от Louis Vuitton.

Кажется, хозяйка сумки ничего не заметила.

Мужчина перевел дыхание — и тут же понял, что успокаиваться рано. Это только первый сверток...

Он снова огляделся.

С другой стороны стояла совсем не такая женщина. Точнее, не стояла, а висела, вцепившись одной рукой в поручень. Тоже молодая, но видно, что устала и чем-то очень расстроена. Вроде бы симпатичная, лицо ее и сейчас было бы привлекательным, если бы не выражение привычной горечи и отсутствия надежды на лучшее. Губы ее чуть заметно шевелились, а по щекам текли слезы.

В свободной руке у нее была сумка — наверное, тоже приличной фирмы, но уже слегка поношенная, с потертым ремешком. Сумка, знававшая лучшие времена. Застегнута на кнопку, болтается сзади. Да, эта пассажирка в таком состоянии, что не заметит, если сумку вообще уведут, а не то что кое-что подложат...

Мужчина скосил глаза на соседей, убедился, что на него никто не смотрит, достал из кармана второй сверток, протянул руку и незаметно расстегнул сумку соседки.

На спине у него выступила испарина.

Что, если кто-нибудь его сейчас заметит?

Его примут за вора-карманника, хотя он ничего не собирает красть, наоборот.

Ловким движением он забросил сверток в сумку, застегнул кнопку и перевел дыхание.

Еще один пристроил.

Но успокаиваться рано.

Он снова приподнялся, вытянул шею.

Человек в капюшоне был уже совсем близко.

Нужно спешить.

Мужчина немного передвинулся. Теперь рядом с ним стояла женщина интеллигентного вида, одетая бедновато, не модно, но чисто. Лицо почти без косметики, нервно покусывает бледные губы, морщинка на переносице. Даже в такой толчее она умудрилась читать книжку — мужчина разглядел на обложке фотографию модного писателя. На локте другой руки висела сумка, точнее — старенький, потертый кожаный портфельчик.

С этой не будет проблем.

Мужчина достал из кармана третий сверток, покосился на соседей и быстро подсунул сверток под клапан портфеля. Убедившись, что тот попал куда надо, снова огляделся.

Времени оставалось совсем мало. Его вообще почти не оставалось. Поезд уже выезжал из темноты туннеля, замелькали лица на перроне... нужно было торопиться.

Чуть в стороне, спиной к нему стояла еще одна девушка.

Одета в слишком легкую по нынешней погоде курточку и джинсы. Со спины вроде совсем молодая, но когда он осторожно заглянул сбоку, то увидел не очень свежую кожу и морщинки вокруг глаз. Волосы у девицы были покрашены в разные цвета — зеленый и розовый. В ушах — наушники плеера, и даже вместо сумки за спиной у нее болтался кожаный далеко не новый рюкзачок.

Удачно.

Мужчина достал последний, четвертый сверток, осторожно тронул «молнию» на рюкзачке, потянул ее. Как только открылась достаточно широкая щель, втокнул в нее свой сверток, дернул «молнию» обратно, чтобы застегнуть.

И тут девица обернулась.

— Ты чего, козел, делаешь? — проговорила она неожиданно высоким, неприятным, визгливым голосом. — Ты, сволочь, в тесноте по чужим сумкам шарить?

— Да ничего подобного... — забубнил мужчина.

— Да? — не унималась женщина. — Думаешь, если я музыку слушаю, так ничего не замечаю?

И тут поезд остановился, двери плавно разъехались, пассажиры двинулись на выход — и мужчина вместе с ними выкатился на перрон и быстро, не оглядываясь, зашагал прочь, на другую сторону, к противоположной платформе.

Он был уже там, и из жерла туннеля показался уже приближающийся поезд — как вдруг прямо перед ним возник сутулый человек в темной куртке с опущенным на лицо капюшоном. Из-под капюшона смотрели бледные, безжалостные глаза.

— Набегался? — проговорил холодный, насмешливый голос. — Тебе еще не надоело?

Мужчина попятился. Его обдало холодом.

— Все, хватит! — прозвучало из-под капюшона. — Все равно не убежишь! Тебе некуда бежать! Отдай мне это — и покончим наконец раз и навсегда.

— Ты этого никогда не получишь! — ответил мужчина и еще немного попятился.

Совсем немного.

Но он и так уже стоял на самом краю перрона и сейчас соскользнул в пустоту.

Упал на рельсы перед приближающимся поездом.

Раздалились крики, истерический скрежет тормозов, но было уже слишком поздно.

Ирина стояла на перроне, изо всех сил стараясь удержать выступившие на глазах слезы. Господи, за что ей все это? Что она сделала плохого, за что жизнь так наказывает ее?

Толпа на платформе быстро росла, очевидно, поезда долго не было. Впрочем, ей все равно, она уже ничего не ждет от жизни, так что какие-то лишних пятнадцать минут?

Она быстро моргнула и помотала головой, чтобы ушли слезы. Не помогло. Тогда она крепко зажмурила глаза. И тотчас перед ней встало лицо Вадима — такое, каким оно было сегодня в суде — злое, с издевательской ухмылкой.

«Что, съела? — прошипел он злорадно. — Захотела меня на деньги развести? Ни хрена не получишь, сдохнешь от голода вместе со своим ублюдком! На вокзале будешь под каждого бомжа ложиться, нормальный мужик на тебя и не взглянет, сучка драная, а больше делать ты ничего не умеешь...»

Услышав такое, она не потеряла сознание только потому, что за сегодняшний день наслушалась про себя столько гадостей, что хватило бы на десять самых обычных женщин. И еще бы осталось. Казалось бы, ко всему уже готова, ничто не сможет ее удивить, а все равно, в висках застучало, как будто бил огромный молот, и дышать стало почти невозможно.

Очевидно, она побледнела, потому что подскочил адвокат Вадима и дернул его за руку, стараясь увести.

Вадим отмахнулся от него, он стоял, в упор глядя на нее, ему доставляла удовольствие ее слабость, он хотел сполна насладиться ее унижением, если бы она упала сейчас в обморок, он радостно пнул бы ее ногой и ушел.

Чувствуя, что силы ее на исходе, что сейчас она сползет по стене и очутится на грязном затоптанном полу, она схватилась рукой за какую-то ручку сзади.

— Вадим Андреевич! — В голосе адвоката появились жесткие нотки, он сильно сжал локоть Вадима, так что тот поморщился.

— Ни хрена не получишь, даже и не мечтай! — повторил он с ненавистью и ушел, глянув на прощание так, что она почувствовала себя оплеванной.

Ирина слишком сильно нажала на ручку двери и буквально ввалилась, как оказалось, в комнату судьи. Судья, монументальная дама в костюме с давно устарелыми подкладными плечами, отчего ее верхняя половина казалась квадратной, подняла голову от чашки с чаем и рывкнула на Ирину, чтобы немедленно покинула служебное помещение. И этим проявила хоть какие-то человеческие качества, то есть злость за то, что отрывают от законного перерыва на еду. В зале судья Ирину просто не видела, сидела на возвышении, как памятник на постаменте, глядя перед собой совершенно оловянными глазами.

Ирина вышла задом, даже не пробормотав извинения — не сознательно, просто голос перехватило, она боялась, что разрыдается тут же, в кабинете судьи.

Выходя, она натолкнулась на секретаря — женщину средних лет, которая посмотрела на Ирину, как ей показалось, с нескрываемым презрением. Еще бы, после того, что наговорил Вадим!

Сейчас Ирина прерывисто вздохнула, потому что щеки опалила краска стыда. Господи, как он мог? Хотя она давно уже поняла, что ее муж может все, наверно, даже убить ее. Может-то он может, но не станет, он хочет, чтобы она мучилась, желательно у него на глазах. Он — садист, поняла Ирина. Ага, жаль, что слишком поздно. Семь лет понадобилось, чтобы понять.

Наконец подошел поезд, толпа пассажиров напряглась в ожидании. Разумеется, Ирина оказалась как раз посредине вагона, далеко от обеих дверей.

— Девушка, у вас сумка расстегнута! — обратилась к Ирине старушка приличного вида.

Ирина обмерла — не хватало еще, чтобы последние деньги украли. Она пошарила в сумке — слава богу, кошелек на месте. И ключи тоже. Прижав сумку к груди, она покосилась на девчонку, отирающуюся рядом. Девчонка была лохматая, волосы, крашенные в синий и розовый цвета, под глазом плохо запудренный синяк. Девчонка в ответ на ее взгляд выверилась ответно, пробормотав какое-то ругательство. Это переполнило чашу — слезы все-таки потекли.

Илона хмыкнула, поглядев на эту тетеху, что заливалась слезами рядом с нею. Кошелек, что ли, сперли? Так не зевай по сторонам, ворон не считай, в большом городе живешь, небось не впервые в метро едешь. Большие деньги нечего с собой таскать, учат этих растелеп, учат, а все без толку. Вот у нее, Илоны, кошелек всегда в кармане куртки. Кошелек, ключи и телефон мобильный.

Вспомнив про телефон, она скрипнула зубами — вытащил вчера ночью этот урод Витька. Утром она хватилась — нет мобильника. Отчим ее со сна матом послал, да она на него и не думала. Потому что на ночь она все ценное под подушку кладет, отчиму ни за что не вытащить. А Витька, чтобы раскумариться, на все готов. Хитрый такой, ловкий, сережки из ушей вытащить может, так что и не проснешься.

Он это, больше некому, потому как утром его и дома не было, побежал небось, сволочь, мобильник ее загонять. Все, накрылся телефончик медным тазом.

Илона снова скрипнула зубами и похлопала себя по карману. Так, кошелек на месте и ключи тоже. В том кошельке все ее деньги на сегодняшний день, всего-то четыре с половиной тысячи. И то хозяйка магазина, выжига, не хотела отдавать. Ты, орет, у меня за это время наворовала в десять раз больше! Да что у нее в продуктовой лавочке брать-то? Одна водка да пиво. Водку Илона не пьет, нагляделась с детства на отчима, мутит ее от запаха. А если летом пива бутылку выпьет, так не обеднеет сквальга эта.

Катись, орет, пока я тебя в полицию не сдала, у меня в кассе недостача! Да Илона сама видела, как хахаль ее, Рустам, из кассы деньги берет. Но про это лучше не говорить, хозяйка в нем души не чаёт, лебезит — Русенька, Русенька... Наглый мужик, глаз черный, нехороший, лет на десять ее моложе. Она перед ним стелется, все готова отдать, дура. Бабе к полтиннику катит, тут уж выбирать особо не станешь.

Но сволочь, какая же сволочь, деньги расчетные не хотела платить! Думала, Илона так и уйдет.

Ага, не на такую напала! Илона за себя постоять умеет. Глаза прищурила и тихонько так говорит — давай зови свою полицию.

Все в магазине знают, что у хозяйки мент прикормленный, зовут Васильич. Толстый, старый и очень жадный. Кассирша Надька рассказала Илоне, что Васильич крышует их магазин от себя лично, что хозяйка платит — то себе берет, ни с кем делиться не хочет. Так что если узнают остальные менты про это — мало ему не покажется, сейчас как раз борьба с взятками идет, так что начальство мигом Васильича сдаст.

До тюрьмы может дело и не дойдет, но из полиции его точно попрут, в два счета. А он этого боится как огня, потому что у него жена молодая, денег на нее много нужно. Дурак старый, женился на молоденькой, вот теперь если денег не будет — она его мигом бросит. А

он без нее жить не может.

Илона после Надькиного рассказа только хмыкнула — надо же, какие страсти в нашем захолустье. А когда с хозяйкой магазина напоследок собачилась — тут-то сведения игодились. Зови, говорит, Васильича, я скандал устрою, все бутылки побью, менты приедут — тут-то все и выяснится про то, что Васильич себе все деньги берет. А он этого как огня боится. Так что не станет он со мной валандаться, ему лишний шум ни к чему.

Хозяйка тогда посмотрела на нее очень нехорошо, но деньги отдала, решила не связываться.

Вот, на сегодняшний день все ее богатство. Если сапоги новые купить, то останется на еду или нет? С другой стороны, сапоги Витька точно упрет. Раньше Илона кое-что у соседки прятала, у тети Тони, так забрала в прошлом месяце дочка тетю Тоню к себе, а квартиру ее сдала. Жалко, соседка еще с матерью дружила, иногда пускала Илону к себе ночевать, когда отчим загулит на несколько дней.

Поезд сильно потрянуло на стыке рельсов, и пассажиры не упали только потому, что вагон был плотно набит, все были упакованы, как сельди в бочке. Илона-то не упала, она на ногах твердо стоит, зато слева навалилась на нее какая-то мымра в очках с книжкой в руках. И наступила на ногу, а там в ботинке и так уже намечается дыра.

— Осторожнее надо! — крикнула Илона, чувствуя, как кожа на ботинке расплзается. Так и есть, теперь уже точно дыра будет.

— Извините... — пролепетала мымра, и глаза ее под очками стали круглыми от страха, как у совы. Книжка сама собой закрылась, закладка выпала на пол. Илона тут же наступила на закладку ногой и растерла ее в порошок.

И посмотрела мымре в глаза, открыв уже рот, чтобы ответить на то, что ей скажут. Но мымра съежилась под ее взглядом и попыталась отступить. Отступить было некуда, сзади стояли люди. Бледные губы у мымры задрожали, и Илоне расхотелось ругаться.

Что толку, когда ботинок все равно придется выбросить. В прошлый раз Арсен, сапожник, что сидит в будке на углу, сказал, чтобы больше она с этими ботинками не приходила, ничего он не сможет сделать, дешевле новые купить. Ладно, тогда придется все же купить новые сапоги, тут и думать нечего.

Ия с трудом извернулась, чтобы убрать книжку в сумку. Да, в такой толчее не считаешь. Собственно говоря, и роман-то неинтересный. Написано плохо, и сюжета вроде бы никакого. Автор на четырехстах страницах исследует глубины собственного «я». Если не подвирает, то создается впечатление, что автор — малосимпатичная личность. И самое главное — скучная. Амбиции какие-то мелкие, в общем, не впечатляет книжка.

Ия тихонько вздохнула. Как-то ей сегодня не то чтобы плохо, но некомфортно. Не в своей тарелке себя чувствует. Она и читать-то взялась в этой толчее, чтобы отвлечься от своих грустных мыслей. Так всегда бывает после встречи с Арсением Николаевичем.

То есть в последнее время, когда она уловила как-то в зеркале его взгляд. Он думал, что Ия не смотрит в его сторону, она оглянулась совершенно случайно. И заметила, что он смотрит на нее с легким нетерпением — мол, скорей бы уж ушла. Эта мысль промелькнула в его глазах очень быстро, он тут же сложил губы в свою знаменитую чуть рассеянную улыбку и повернулся к ней, и даже взял на прощание ее руку в свою. Господи, как же раньше Ия обмирала от его улыбки! Ей казалось, что какая-то неведомая сила возносит ее ввысь, а потом опускает резко, как на американских горках, и сердце ее сладко замирало.

Но это было давно, еще в институте, когда потрясающий, невероятный Арсений Николаевич Сперанский читал им лекции. Потом она училась у него в аспирантуре, потом, когда начала работать в музее, они не прекращали своего плодотворного сотрудничества, как он говорил опять-таки с улыбкой.

Она его любила много лет, но тайно, никогда в жизни она не позволила себе перейти границу дозволенного, всегда была исключительно вежлива и приветлива.

Потому что он был женат. Жена его не понимала, но Ия никогда даже в разговоре с мамой не касалась этой темы. Поэтому она ни разу за все эти годы не сделала попытки пококотничать с ним. Мама всегда говорила, что кокетничать Ия не умеет, это не ее стиль, а говорить прямо о своих чувствах не стоит и пытаться, этим только поставишь в неловкое положение его и себя. Мама единственная знала о ее чувствах.

«Не вздумай проболтаться подружкам, — говорила мама, — ты ей раскроешь душу, она, глядя тебе в глаза, поклянется самой страшной клятвой, что никогда и никому ничего не расскажет, и через два дня об этом будет знать весь институт. Дойдет до него, тебе будет очень неудобно встречаться с ним. Я тебя хорошо знаю, ты будешь переживать, со стыда умрешь!»

Ия с мамой во всем соглашалась, мама и правда знала ее отлично. И всегда давала дельные советы, мама хорошо знала жизнь.

Мама посоветовала другой способ — действовать с помощью науки.

«Ты пойми, — говорила она, — его окружают красивые студентки и аспирантки. И сотрудницы постарше. Он — интересный, обаятельный человек, все они добиваются его внимания. На фоне этого цветника ты просто затеряешься. Так оно и есть, будем называть вещи своими именами. Стало быть, ты должна стать ему необходимой в другом. Ты — умница, и он это знает, не зря он выбрал тебя в помощницы. Ты — старательная и исполнительная, никогда его не подводила, пусть он знает, что сможет на тебя положиться. А самое главное — пусть он уверится, что ты — лучшая в своем деле, что он никем не сможет тебя заменить. И тогда — считай, что полдела сделано!»

Ия приняла мамины советы, тем более ей самой нравилось работать с Арсением Николаевичем. Она собирала материалы для его статей и даже для книги. Он был очень работающим — читал лекции, печатался в журналах, выпустил две монографии, на телевидении вел цикл передач, популяризируя историю искусств. Она гордилась, что в его успехе есть частичка и ее вложенного труда.

Потом как-то вышла его статья в соавторстве с одним молодым человеком. Ия очень удивилась, потому что работали над статьей только они с профессором, она подбирала материалы и даже писала кое-что, а он правил.

Она думала, что это какая-то ошибка и решила позвонить Арсению Николаевичу, не посоветовавшись с мамой. Он говорил с ней сдержанно, затем пригласил в кафе. В первый раз в жизни. По совету мамы она оделась как можно скромнее, чтобы опять-таки не ставить человека в неловкое положение. Он, дескать, подумает, что ты рассчитываешь на что-то личное, а у него и так к тебе трудный разговор.

Так и оказалось. Морщась и глядя в сторону, Арсений Николаевич сказал, что тот молодой историк — полностью блатной, сейчас метит на должность в Комитете по культуре, ему нужны публикации для диссертации, его начальники просто выкрутили ему, профессору, руки, и если бы он отказался, то закрыли бы его передачу на телевидении и вообще, перекрыли бы ему кислород. Ия тогда прониклась к нему жалостью, на том и простились.

Он позвонил через месяц и взмолился о помощи — дескать, полный цейтнот, статью ждут уже через неделю, а у него и не начато. Ия с радостью согласилась ему помочь.

Потом они стали общаться по электронной почте. Ия просто посылала ему материалы, а он в ответ — свои замечания. И снова статья вышла в соавторстве. Но не с ней.

И вот сегодня она приезжала к нему домой, Арсений Николаевич сказал, что ему заказали цикл передач по центральному каналу, и нужно предоставить хотя бы синопсис сценария, а у него, как обычно, полный завал с работой, так что не могла бы Ия помочь...

Разумеется, она согласилась. У нее самой было полно работы в музее, да еще она писала свою книгу, о которой не говорила никому, даже маме. То есть не писала, а только собиралась, подбирала пока материалы. За долгие годы сотрудничества с профессором Сперанским она хорошо научилась это делать.

Он выглядел прекрасно — загорелый, с белозубой улыбкой. Интересный мужчина, с пышными седоватыми волосами, голос глубокий, звучный, прекрасно смотрится на экране. Наметок у него не было почти никаких, только название цикла и темы каждой передачи. Увидев ее нахмуренное лицо, он заторопился, сказал, что для него это очень важно, и помочь ему выпутаться из трудного положения может только она, Ия, на нее он может положиться.

Тут появилась его жена и предложила чаю. Жена была достаточно любезна, но Ия отказалась, отговорившись занятостью.

Провожая ее, профессор взял ее руку и прижал к сердцу, повторяя, что будет очень, просто очень благодарен. Послышался ей за дверью сдержанный смешок его жены или нет? Наверно, показалось, нельзя быть такой мнительной.

Поезд снова качнуло, но сейчас Ия вовремя уцепилась за ручку, так что только коснулась плечом соседки справа. Эта была совсем не такой, как хамская девица с разноцветными волосами — одета дорого и со вкусом, пахло от нее французскими духами, а не потом и ношеной одеждой, как от соседки слева. Женщина ничего не сказала, однако нахмурилась. Ия предпочла не принимать это на свой счет.

Инна с трудом вывернула руку, чтобы взглянуть на часы.

До встречи оставалось тридцать пять минут. Еще можно успеть.

Рядом с ней стояла ужасная девица — волосы взлохмаченные, покрашенные разноцветными перьями, давно не мытые... брр! Вот для чего нужна машина — чтобы не сталкиваться с такими особами, не стоять рядом. Противно, а куда денешься в метро?

Но что делать — ее машина, как назло, заглохла. Заглохла в самый неподходящий момент.

Это была последняя капля, переполнившая чашу Инниного терпения. Сегодня вообще ужасный день. Как не задался с утра — так и пошло...

Сначала какой-то козел задел ее на парковке. Сперва Инна ничего не заметила, только услышала странный звук, но не придала ему значения, а когда вышла из машины — увидела глубокую царапину на левом крыле. А тот козел уже уехал.

Пока Инна разглядывала царапину, пока ругалась с охранником, она опоздала. Из-за пробок и так приехала на пределе, а тут потратила еще несколько минут. Самое же обидное — как раз сегодня Кочетов пришел раньше обычного и не преминул все ей высказать.

Демонстративно взглянул на настенные часы и спросил:

— Инна Михайловна, вас повысили?

Она была еще раздражена и не врубилась в его иронию, переспросила:

— Повысили? Да нет как будто. А почему вы решили?

— Потому что вы не считаете необходимым соблюдать трудовую дисциплину.

— Но, Глеб Сергеевич, только пять минут...

— Большие провалы начинаются с маленьких недочетов!

— Но на улицах такие пробки...

— Значит, нужно выезжать раньше!

— Зануда, — прошептала она себе под нос.

Он, кажется, услышал, во всяком случае, взглянул так, что Инну передернуло.

Это было только начало. Но не зря говорят, что как день начнется — так и пойдет.

Едва она разложила свои бумаги и включила компьютер, чтобы просмотреть текущие курсы ценных бумаг, как ее вызвал шеф.

Она взяла вчерашний отчет, вошла в его кабинет — и сразу поняла, что шеф не в духе.

— Инна, — проскрипел он, подняв на нее тяжелый взгляд, — Инна, ты видела сегодняшние котировки Дельты?

— Нет еще, Антон Иванович...

— Нет еще? А что же ты делала с утра?

— Я... я только начала просматривать...

— Так я тебе покажу! — Он повернул к ней экран своего компьютера и тяжело задышал, наливаясь красным. — Видишь?

Декабрьские фьючерсы сыпались, как осенние листья.

— Скверно.

— Скверно? Да это катастрофа! Мы теряем миллионы! А все из-за тебя!

— Из-за меня? — Она растерялась от такого поворота. — Мы вместе принимали это решение.

— Это ты меня убедила! Ты повторяла мне, что Дельта надежна, как Гибралтарская скала!

— Но Антон Иванович, все так считали...

— Мне нет дела, как считали все! — Шеф гремел, метал громы и молнии, его голос наполнил кабинет: — Мне нет дела до всех! Я не им плачу большие деньги, а тебе! И ты за все ответишь!

Вот что шеф отлично умеет — это находить виновных в каждой неудаче. Когда дела идут хорошо — это благодаря ему, благодаря его дальновидности и осторожности. А когда что-то срывается — виноват кто-то из подчиненных. И наверняка тут не обошлось без Кочетова, это он наплел шефу... Инна прекрасно знает, что он спит и видит, как бы от нее избавиться. Он вбил себе в голову, что Инна хочет занять его место, и с этой целью порочит ее перед шефом при каждом удобном случае. Она этого не делает, но иногда хочется, уж очень противный этот Кочетов. Но сейчас нужно думать, как оправдаться перед шефом.

— Антон Иванович, — попыталась Инна вклиниться в его обвинительную речь, — Антон Иванович, все еще может выровняться. Завтра опубликуют доклад министерства, и фьючерсы могут подрасти...

— Могут! — передразнил ее шеф. — Мы что — будем гадать на ромашке? Могут — не могут, любят — не любят... что мне говорить инвесторам? Что Инна Михайловна Коршунова нагадала на кофейной гуще завтрашний прирост котировок? Я знаю, я чувствую, что инвесторы побегут от нас, как крысы с тонущего корабля!

— Антон Иванович, — напомнила она ему, — гадание тут ни при чем, я сегодня

встречаюсь с Верзилиным и постараюсь склонить его на нашу сторону. Если мне удастся убедить Верзилина, ситуация может выправиться...

— Если удастся! — снова передразнил шеф. — Если, если... опять ты гадаешь! Имей в виду — если ты ничего не добьешься, можешь искать себе новую работу!

Инна почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

Вообще-то шеф уже несколько раз грозил ее уволить — но сегодня эта угроза прозвучала особенно серьезно. И главное — он не дал ей ответить, оправдаться, жестом приказал выметаться из кабинета, оставив за собой последнее слово.

Она вернулась на свое рабочее место и перехватила взгляд Кочетова — злорадный, удовлетворенный.

Точно, его работа. Что ж, главное — не показывать, что ей плохо. Не доставит она такого удовольствия Кочетову. Пусть видит, что она умеет держать удар.

Поезд метро остановился, двери раздвинулись.

Инна спохватилась — это ведь ее станция!

Она протиснулась сквозь толпу, вылетела на перрон, остановилась, чтобы отдышаться, поправить одежду и волосы.

Мельком увидела немолодого мужчину, который вышел из того же вагона. Скользнув по нему равнодушным взглядом, направилась к эскалатору и вдруг под влиянием какого-то неясного побуждения повернула голову.

Она увидела, как тот пожилой мужчина, стоя на самом краю перрона, пятится, отступает. На него надвигался человек в черной куртке с капюшоном. Пожилой мужчина отступил еще на полшага — и упал на рельсы перед неотвратно приближающимся поездом.

Инна ахнула — и ее вздох слился с испуганным криком десятков людей, которые увидели то же, что и она.

Инна невольно закрыла глаза, чтобы не видеть того, что сейчас произойдет... но перед ее внутренним взором, как отпечаток на фотобумаге, проступило лицо пожилого человека. На этом лице был ужас — но вместе с тем какое-то странное облегчение, как будто он сделал что-то очень важное и теперь свободен.

А в следующую секунду Инна услышала скрежет тормозов и крики, крики...

Она открыла глаза.

Теперь на краю перрона сгрудилась толпа любопытных, все смотрели под поезд. Туда, вниз, на рельсы, где было то, что осталось от человека...

Инна резко выдохнула, развернулась и зашагала к эскалатору. Ей нельзя сейчас отвлекаться, нельзя думать о посторонних вещах, о чьей-то смерти. Ей нужно сосредоточиться на предстоящем разговоре с Верзилиным, настроить себя нужным образом, подобрать самые убедительные аргументы...

Ступив на эскалатор, Инна снова взглянула на часы.

До встречи оставалось еще пятнадцать минут. Ресторан, где они должны встретиться с Верзилиным, совсем рядом со станцией метро, так что она еще успеет привести себя в порядок. Конечно, времени на это будет мало, но она умеет все делать быстро.

Все же хорошо, что она поехала на метро. Конечно, пришлось давиться в переполненном вагоне, да еще наблюдать эту ужасную сцену — но зато она успеет на важную встречу.

Когда она поняла, что машина не заводится — первым и самым естественным ее побуждением было вызвать такси. Но, взглянув на часы, Инна осознала, что точно опоздает

на встречу. Пока она вызовет машину, пока та доедет до их офиса, пока по пробкам доедет до места встречи, будет уже поздно.

Верзилин не станет ждать ее больше четверти часа, а если даже дождется — будет настроен соответственно, будет недоволен, раздражен, посчитает ее ненадежной, легкомысленной особой, которой нельзя доверить свои деньги.

Короче, она сорвет такую важную встречу — и может проститься со своей работой.

И тут у нее мелькнула идея поехать на метро.

Идея, в общем, странная и даже дурацкая — Инна не ездила в метро несколько лет, и уж всяко не на важную деловую встречу, от которой зависят серьезные инвестиции, но, прикинув оставшееся время, она поняла, что это — единственный выход...

Илона открыла дверь своим ключом и настороженно прислушалась. В квартире было тихо. Это ничего не значит, расслабляться рано, от этих двух уродов всего можно ожидать. Она проскользнула в прихожую, крошечную, как стенной шкаф. В их двушке в хрущобе что кухня, что прихожая были крошечными.

Пахло в квартире гадостно — смесью несвежей еды и блевотины. Так, значит, отчим уже напился. Еще бы, пенсия на той неделе была, он всю пропить не успел. Из комнаты отчима доносился пьяный голос, подпевавший радио.

Илона проскользнула в свою комнату, сняв в прихожей только ботинки. На них никто не позарится, кому они нужны. Кошелек она засунула за батарею, плеер — под матрас, хоть и знала, что туда Витька обязательно полезет в первую очередь. Вроде его дома нет, отчим только орет, поддавши.

Всю свою одежду она держала в комнате и шкаф запирала на ключ, а ключ носила на общей связке. Туда же убирала сумку, кое-какую немудрящую косметику и документы.

Один раз Витька упер у нее паспорт, хорошо тетя Тоня, соседка, тогда еще тут жила, перехватила Витьку у магазина, он продавал паспорт какому-то типу самого бандитского вида. Тетя Тоня вцепилась в Витьку, заорала, тут тетки набежали, Витьку у них в районе знают как облупленного. Бандит испугался шума и убежал, еще Витьке по морде качественно съездил на прощание. Так что Илона теперь паспорт прячет, если что — намучаешься потом восстанавливать.

Убирая рюкзачок в шкаф, она осознала некоторую странность. Он был тяжелее, чем обычно.

Что у нее там лежит? Тапочки простенькие, кружка — чай пить, журнал старый... Ах да, напоследок, пока хозяйка магазина зазевалась, Илона утащила две плитки шоколада. Просто так, из вредности. Попались под руку, так отчего не взять у такой выжиги? Вот теперь хоть будет с чем чаю попить, еды-то в доме никакой нет.

Она вытряхнула рюкзак на пол. В магазине тараканы водились, еще не хватало домой принести. И так у них в квартире помойка, только тараканов не хватает.

На пол выпало все барахло, одна шоколадка поломалась, а вот это что... Илона взяла в руки сверток из зеленого шелка. Тяжелый на ощупь и твердый.

Осторожно развернула мягкую ткань и оцепенела. У нее в руках оказался колокольчик из тусклого металла. По ободку колокольчика были выгравированы какие-то знаки. Ага, это китайские иероглифы, как на дешевой одежде, которой торгуют тетки у метро. К языку колокольчика была привязана зеленая ленточка.

Илона взяла колокольчик в руки, ткань соскользнула на пол. Откуда это попало в ее

сумку? В магазине случайно взяла вместе с шоколадом? Да не может быть, она еще себя осознает, не пьет, не колется, с памятью пока порядок, она бы не забыла.

К тому же в магазине такой вещи не могло и быть, откуда она там возьмется?

Илона взвесила колокольчик на руке. Тяжелый, если таким по голове двинуть — мало не покажется. Оставить, что ли, от Витьки отбиваться? Илона вспомнила украденный мобильник и представила, как Витька ночью лезет к ней под подушку, и она с размаху впечатывает колокольчик в ненавистную морду.

Рука сама собой сжалась, и колокольчик прозвенел — коротко, грозно. Звук был тревожным, и вместо грязной стены с оторванными кое-где обоями Илона увидела перед собой людей с восточными неподвижными лицами, в странной старинной одежде. Несомненно, это были воины в шлемах, с оружием. Все они шли куда-то сомкнутым строем.

Видение посетило ее лишь на миг, как только затих звон колокольчика, все исчезло. Илона потрясла головой, завернула колокольчик в зеленый шелк и убрала в самую глубину шкафа. Затем переделалась в драные спортивные штаны и растянутую майку и вышла на кухню.

Стол, как обычно, был заставлен пустыми стаканами и грязными тарелками в неаппетитных остатках еды. Илона поставила на газ чайник с облупленной эмалью и открыла холодильник, который, разумеется, ничем не порадовал. Стояли там какие-то банки с остатками консервов и варенья, откуда взялись — неизвестно. Все небось давно протухло, выбросить руки не доходят.

Первое время, как мать померла, старалась Илона квартиру в порядке содержать, мыла, убирала, вытирала пыль, да быстро поняла, что все без толку. Эти два урода все мигом загадят, так для чего ей ломаться? Ей нужно деньги на еду да на одежду зарабатывать, опять же за квартиру кто платит? Уж не Витька, этот вообще все, что украдет или еще как получит, — все на наркоту уходит. Хоть бы помер скорее, что ли... Так не берет его ничего.

Илона нашла в холодильнике кусок полукопченой колбасы, а в хлебнице — полбуханки хлеба. Надо же, свежий, видно, отчим купил, да забыл. Оглядев кухню, она поняла, что есть здесь все равно не будет, попьет чаю в комнате. Эту крошечную комнатку она отвоевала с боем после того, как умерла мать. Отчим хотел отселить туда Витьку, который бродил по ночам, иногда выл, когда начиналась ломка, и бился головой о стену. Отчим желал спать в тишине.

Илона тогда выстояла против него с большим трудом, опять-таки соседка тетя Тоня помогла, дай ей бог здоровья.

Тщательно вымыв нож, она на весу отрезала хлеб и тут услышала за стеной в своей комнате какие-то звуки. Стрелой метнувшись в комнату, она остановилась на пороге. Отчим как раз вынимал из-за батареи ее кошелек с помощью материнного вязального крючка. Почувствовав ее взгляд, он оглянулся и осклабился.

— Что смотришь? Думала припрятать денежки?.. А я, между прочим, имею полное право. Растил тебя, так теперь ты мне по гроб жизни должна!

— Положи на место, — процедила Илона.

— А что ты мне сделаешь? Захочу — все возьму!

Отчим открыл кошелек и рассыпал деньги по полу.

И тут... Илона сама не поняла, как случилось, что какая-то сила заставила ее прыгнуть на отчима и толкнуть его на пол. Прошли секунды, а она уже взяла его в захват и приставила нож к горлу. Она так и прибежала из кухни с ножом.

Отчим дернулся, но Илона держала его с такой силой, какой и не подозревала у себя. Он — здоровый мужик, сильный, несмотря на возраст и хроническое пьянство, никак не мог вырваться. Лицо его стало багровым, на висках налились вены.

— Пусти, — прохрипел он.

— Не дергайся, — процедила Илона сквозь зубы, — а то горло перережу ненароком.

— Пусти, су... — он не смог закончить бранное слово, потому что она шевельнула ножом, и по шее его потекла струйка крови.

— Запомни, — Илона говорила тихо-тихо, и оттого выходило страшно, — запомни, козел, что в комнату мою тебе входить нельзя. И если еще замечу, что ты деньги таскаешь или еще что — прирежу ночью, понял? И свалю на Витьку, он когда под наркотой, то ничего не помнит, про него все поверят. И чтобы помойку свою на кухне и в сортире сию минуту убрал, понял? А то, как бы я не передумала.

Лицо отчима стало уже фиолетовым, глаза выкатились из орбит. От него и раньше воняло, а тут запах стал невыносим.

— Обделался со страху! — Илона брезгливо отпустила его, он с шумом вздохнул, потом так и пополз к двери на четвереньках.

Илона бросила нож и наклонилась, чтобы собрать деньги. Внезапно голова закружилась, и она так и села на пол. Что это с ней? Как у нее хватило сил справиться с отчимом? И едва не задушить его... Казалось, тело ее само выполняло все приемы...

Она решил пока убрать кошелек в шкаф, раз за батарею нельзя. Убрала в тот же угол, что колокольчик. Задела сверток ненароком, и колокольчик отозвался низким звоном.

Инна сошла с эскалатора, вышла из метро, перешла дорогу.

Взглянула на свое отражение в стеклянной двери ресторана, чуть заметно поморщилась — и вошла внутрь.

Отдала пальто гардеробщице и первым делом направилась в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок.

Взглянув в зеркало, пришла в ужас.

Волосы растрепаны, нос блестит, губы смазаны...

Однако еще хуже дело обстояло с выражением лица — лицо было усталое, раздраженное, разочарованное. Вот что значит — поездка в общественном транспорте! Хорошо, что ей не приходится ездить так каждый день!

Инна полезла в сумку за расческой и косметикой. Для начала поправить волосы и губы, а выражение лица само придет.

И тут у нее возникло смутное ощущение, что с этой сумкой что-то не так.

Неужели, пока она ехала в метро, кто-то похозяйничал в ее сумке? Она часто слышала, что в метро орудуют карманники, но считала, что такие вещи обычно случаются с другими, а не с ней, такой практичной и предусмотрительной.

Настроение еще больше испортилось.

Нет, так нельзя. Нельзя поддаваться негативным эмоциям. Даже если у нее вытащили кошелек — это поправимо. Денег в нем было немного, а карточки она заблокирует. Вот если украли смартфон — это будет куда хуже, в памяти смартфона у нее много нужных контактов, а самое главное — там материалы к сегодняшней встрече.

Однако смартфон, к счастью, был на месте.

Да и кошелек никуда не делся, и его содержимое не пострадало, деньги и карточки были

на месте. Вообще, обследовав сумку, Инна с удивлением убедилась, что из нее ничего не пропало, наоборот — в сумке появилась совершенно незнакомая вещь, которой там прежде не было: небольшой, но довольно тяжелый предмет, завернутый в кусок красного шелка.

— Это еще что такое? — удивленно проговорила Инна, разглядывая сверток. — Откуда это взялось?

Из кабинки вышла длинноногая блондинка. Испуганно покосилась на Инну, которая разговаривала сама с собой, потом успокоилась — видно, решила, что та говорит по мобильному телефону с незаметной гарнитурой, поправила волосы и вышла.

А Инна все еще с удивлением смотрела на сверток.

Чья-то глупая шутка?

И что с ним делать? Самое разумное — просто выбросить. Наверняка это какая-то дрянь.

Но какое-то странное беспокойство мешало ей это сделать. Хотя бы взглянуть сначала, что там, в этом свертке.

Инна развернула красный шелк.

Внутри него оказался небольшой бронзовый колокольчик, по ободку которого были выгравированы китайские иероглифы. К языку колокольчика была привязана красная шелковая лента.

Странно... кто и когда мог подложить этот колокольчик в ее сумку? И главное — зачем?

Инна подняла его к свету, чтобы лучше разглядеть.

Обычная китайская безделушка, сувенир для непритязательных туристов, которые считают необходимым из каждой поездки привезти что-то на память, хоть магнит на холодильник. Ей-то эта китайская дешевка ни к чему.

Вдруг язык бронзового колокольчика слегка качнулся, ударился о внутреннюю поверхность, которая отозвалась нежным, протяжным мелодичным звоном.

И тут с Инной произошло что-то странное.

Или не с ней, а со всем окружающим миром.

Мир вокруг Инны наполнился нежным, переливчатым звоном и чудесным, божественным ароматом. Ароматом, с которым не могли сравниться запахи лучших французских парфюмов. Ее душа запела, Инна почувствовала, что невидимая сила поднимает ее в небо... Впрочем, в то же время она прекрасно понимала, что никто ее никуда не поднимает, что она по-прежнему стоит на кафельном полу в дамской комнате ресторана, с бронзовым колокольчиком в руке.

Странно, очень странно...

Однако ей больше не хотелось выбросить этот колокольчик. Наоборот, ей захотелось оставить его себе, оставить навсегда, никогда с ним не расставаться...

Инна взглянула на часы — и ахнула: прошло уже пять минут после назначенного Верзилиным времени!

Она завернула колокольчик в шелковый лоскут, сунула его в сумку, быстро поправила волосы, мазнула помадой по губам, прошла по лицу пуховкой и устремилась в зал.

Верзилина она увидела издали.

Крупный, полноватый мужчина лет пятидесяти с густой шевелюрой цвета «соль с перцем» сидел за угловым столиком перед чашкой кофе и мрачно смотрел на входную дверь.

Верзилин, крупный частный инвестор, был известен в финансовых кругах тяжелым характером и крайней недоверчивостью. Инна несколько месяцев обхаживала его по

телефону, уговаривая и убеждая, что их фирма сможет предоставить ему оптимальный инвестиционный портфель. Очень надежный, что особенно важно в условиях кризиса, но дающий хорошую прибыль.

Наконец он согласился встретиться с ней лично и внимательно выслушать ее предложения. Так что от сегодняшней встречи очень многое зависело.

Заметив Инну, Верзилин слегка нахмурился, демонстративно взглянул на часы и проговорил:

— Вы знаете, что точность — вежливость королей? А вы пока что не королева, так что должны быть особенно точны!

Инна виновато улыбнулась, обдумывая, как лучше всего оправдаться, положила сумку на свободный стул. При этом колокольчик внутри сумки чуть слышно звякнул.

Лицо Верзилина неожиданно разгладилось, он улыбнулся, встал и отодвинул стул, чтобы Инна могла сесть. При этом посмотрел на нее очень внимательно, и с лица его исчезло мрачное выражение. Кажется, он даже помолодел.

— Впрочем, — проговорил он, усаживаясь обратно, — пять минут — это не опоздание. Особенно для такой красивой девушки, как вы. Что вы хотите заказать?

К ней уже спешил официант с меню.

Инна выбрала суфле из брокколи и фаршированные орехами баклажаны.

Официант отошел.

Инна выложила на стол свой смартфон, открыла страницу, где была подготовлена презентация.

— Игорь Константинович, — начала она, — я подготовила все данные, которые вас могут заинтересовать, все основные показатели нашей фирмы, цифры прибыли...

— Потом, потом! — Верзилин сделал небрежный жест рукой, как будто отменяя ее слова, как не имеющие значения. — Собственно, я уже принял решение.

— Приняли? — Инна настороженно взглянула на него. — И какое же решение вы приняли?

— Понимаете, Инна, я больше полагаюсь на свою интуицию, чем на такие презентации, — он ткнул пальцем в ее смартфон, — подготовить красивую презентацию ничего не стоит, есть масса отработанных приемов, а цифры можно и подтасовать. Для меня важнее оценить человека, с которым я имею дело.

Если этот человек произвел на меня хорошее впечатление, если он достоин доверия — значит, и фирма, которую он представляет, тоже стоит моего внимания. Причем больше всего я доверяю своему первому впечатлению. Прежде чем человек заговорит, он выдает себя выражением лица, мимикой, едва заметными движениями, жестами. Слова — это маскировка, дымовая завеса. Важнее язык тела, язык лица. На этом языке все говорят правду.

Он сделал небольшую паузу, заставив Инну поволноваться, и наконец проговорил:

— Вы мне понравились, Инна. Я принимаю ваше предложение и доверяю вашей фирме часть своих свободных активов. Для начала — несколько миллионов, а там — как пойдет...

Инна хотела петь и танцевать. Вот так вскочить с места и броситься на шею этому чудесному, обаятельному человеку. А потом закружиться по залу в безумном танце. И чтобы все смотрели на нее и радовались вместе с ней.

— Замечательно, — сказала она, усилием воли сдерживая губы, чтобы улыбка получилась сдержанно-деловой, — я очень рада, что вы приняли такое решение. Уверю вас, вы не ошиблись.

Она говорила обычные в таком случае слова, но с глазами ничего не могла сделать. Глаза ее сияли, как звезды, и Верзилин смотрел только в них. Деловой человек, он быстро опомнился, и дальше разговор принял безобидный характер, но потом, до самого вечера, он не мог забыть эти сияющие глаза. Утром только накатили заботы, и жизнь вошла в привычное русло.

А Инна вернулась на работу на такси.

Теперь ей некуда было торопиться, а еще раз ехать на метро... об этом ей страшно было подумать.

Ехали долго, застревали во всех пробках, но ей было все равно. Она прикрыла глаза на заднем сиденье и отдыхала, кажется, даже задремала ненадолго. Перед глазами пробежали красивые комнаты во дворце, убранные в пышном восточном стиле, обставленные яркой лаковой мебелью, она шла по этим комнатам неторопливо, с достоинством, и попадающиеся навстречу богато одетые люди в длинных шелковых одеяниях низко и почтительно кланялись ей.

Были тут толстые, важные китайцы в расшитых халатах, были женщины в длинных шелковых платьях, с замысловатыми прическами и крошечными ножками, были молодые мужчины с длинными волосами, заплетенными в косу. И все они склонялись перед Инной. Она хотела спросить, кто они такие и почему это делают, но ее разбудил голос водителя такси:

— Приехали. Просыпайтесь.

— Надо же, никогда не спала днем, — Инна сконфуженно улыбнулась и вышла из машины.

Она зашла сразу в приемную шефа, но секретарь сказала, что его сегодня не будет — уехал на важные переговоры.

Инна не очень расстроилась и пошла к себе. Там Кочетов уныло сидел над бумагами. Увидев ее, он несколько оживился и спросил, осторожно подбирая слова:

— Инна Михайловна, как ваши дела?

Нельзя было просто послать его подальше прямым текстом, потому что его положение в фирме все же было выше ее. И хоть о разговоре с Верзилиным она должна была доложить непосредственно шефу, Инне захотелось созорничать.

Она сделала расстроенное лицо и вздохнула:

— Просто не знаю, что делать. Даже не знаю, как шефу сказать, боюсь к нему идти...

При этом голос ее очень натурально дрогнул.

— Что, все так плохо? Верзилин вам отказал?

Инна в ответ низко опустила голову и даже провела пальцем по ресницам, якобы стараясь вытереть набежавшие слезы.

— Бросьте, это не конец света, — с фальшивым участием заговорил Кочетов.

— Да? — Инна подняла голову. — Глеб Сергеевич, вы рады? Рады, что у меня ничего не получилось? Рады, что меня уволят? Так вот, должна вас огорчить: меня не уволят. Переговоры с Верзилиным прошли прекрасно! Как ни противно вам это признавать, я — хороший специалист и достаточно понимаю в своем деле!

— Но я... — Кочетов растерялся.

— Вы — завистник и зануда! Вы никак не можете примириться с тем, что женщина работает не хуже вас! Я знаю, вы ненавидите женщин, потому что вас бросила жена!

— При чем тут это? — начал было он, но Инна не слушала.

— Более того, вы вбили себе в голову, что я хочу занять ваше место, и поэтому наушничаєте начальству и при каждом удобном случае делаете мелкие гадости! Так вот, запомните: я не собираюсь занимать ваше место, мне и на своем хорошо! Только не мешайте работать своими мелкими придирками!

Кочетов встал очень бледный.

— Значит... значит, вот как вы думаете... — сказал он чужим запинаяющимся голосом.

— Именно так! — энергично подтвердила Инна. — И я очень рада, что высказала вам все! Ух, на душе легче!

Кочетов молча вышел из комнаты.

Ирина брела домой, спотыкаясь, низко опустив голову и прижимая к груди сумку. К ногам как будто были привязаны чугунные гири. В ушах звон, в глазах темно. Наверно, это потому, что не ела с самого утра. Да и утром... чашку зеленого чая трудно назвать едой. А больше перед судом ничего она впихнуть в себя не могла. Да и не старалась — совершенно не было настроения.

Утром на кухне народу полно, Нинка-соседка своих детей в школу отправляет, да муж ее кричит из комнаты — то ему то подай, то это... Нинка лениво, привычно отругивается, баба Шура ее подзуживает, Нинка на нее рявкает, чтобы не лезла не в свое дело. В этой квартире огромной, запущенной, Ирина сняла комнату, как от мужа ушла. На квартиру денег не хватило. Баба Шура сдает, у нее комната большая, да еще одна каморка, вот туда Ирину и поселила. Хоть денег мало берет, хотя Нинка все равно зовет ее выжигой.

У Нинки муж-милиционер, точнее, как сейчас говорят, полицейский, и детей двое, они две комнаты занимают. Нинка, в общем, невредная, к Ирине хорошо относится, по-своему конечно. Сочувствует по-женски, но считает Ирину размазней, не способной за себя постоять. Что ж, так оно и есть, тут она права.

Нужно зайти в магазин, поняла Ирина, купить какой-то еды, а не то Нинка будет впихивать в нее свой жирный наваристый борщ, от которого Ирину стошнит.

В зеркальной двери магазина отразилась нелепая, несуразно ссутулившаяся фигура. Взгляд потухший, безрадостный, волосы висят безжизненной паклей... Господи, неужели это она, Ирина? Ведь раньше ее признавали хорошенькой. А в школе Сашка Курочкин даже звал ее принцессой.

Ирина вспомнила новогодний вечер в последнем классе, и как они с Сашкой выскочили во двор, и снежинки таяли у него на лице, когда он ее поцеловал... И как ей было стыдно потом, потому что Сашка был парень ее подруги Ларки Тютлиной.

Накануне Ларка с Сашкой поссорилась, кто уж там был виноват, Ира не разбиралась, скорей всего, Лариска, у нее был скверный характер. Очень много амбиций и самомнения выше крыши, сказала как-то в сердцах классная руководительница.

Ира тогда услышала это случайно и не придавала значения, а теперь вот понимает, что классная была права. Они с Ларкой дружили с первого класса, вполне дополняя друг друга. Ира была тихая, покладистая девочка. Ведомая, как говорили учителя. Ларка же считалась у них первой красавицей, Ира в ее тени выглядела скромно. Пока не похорошела в последнем выпускном классе.

Сашка Курочкин бегал за Лариской класса с седьмого, за ней вообще многие мальчишки бегали. Как всегда в школе бывает — объявят какую-нибудь девчонку первой красавицей — все и поверят, дети ведь внушаемы очень.

Это все Ирина потом поняла, когда Димка родился, она много книжек прочитала про воспитание и детскую психологию. А тогда неудобно ей стало, а главное — стыдно, вдруг кто их с Сашкой заметит? Пойдут разговоры, дойдет до Ларки, дружба их — сразу врозь. Правда, классная руководительница как-то в приватной беседе сказала Ире, что дружба у них с Ларкой ненастоящая, испытания временем не выдержит. Ира тогда обиделась даже — как это ненастоящая? С первого класса за одной партой... Но опять-таки классная оказалась права, видно, глаз у нее был наметан, хорошо своих учеников понимала.

А тем вечером Ира рывкнула на Сашку, чтобы отвалил от нее подальше, знает она, что это он только назло Ларке с ней целуется. Тот отпрянул было, пробормотал что-то обиженным голосом, а потом рукой махнул и ушел. А Ира до конца вечера пряталась в раздевалке, боялась насмешек.

Потом, конечно, Ларка с Сашкой помирились, но Ира упорно его избегала. Раньше они много времени проводили втроем — в кино ходили, уроки делали вместе.

Ларка говорила, что держит Иру при себе, чтобы Сашка не очень зарывался. Мол, она вовсе не собирается с ним спать, это все — ерунда, детские игрушки, несерьезные школьные увлечения. Она непременно поедет учиться в большой город — в Москву или в Петербург, там найдет себе приличного парня. Постарше, чтобы деньги были, чтобы карьеру он делал. А Сашка — это так, пускай он за ней бегаёт, при себе его держать очень даже неплохо...

У Ларки на все было свое мнение, которое она не меняла, спорить с ней было невозможно, Ира никогда и не пыталась.

Но после новогоднего вечера она стала Сашку избегать. Отговаривалась занятостью или тем, что уроки запустила или маме нужно помочь по хозяйству. На Ларкин прямой вопрос она ответила так же прямо — надоело, мол, таскаться за вами, как коза на веревочке, дел, что ли, у меня других нет? Ларка, разумеется, ответила в своей манере, что Ира ей просто завидует.

«Думай как хочешь», — ответила Ира.

К весне развлечения кончились, все сосредоточилось на учебе. Сашка собирался ехать в Петербург поступать в Политехнический институт, у него хорошо шли математика и физика. Лариска, как всегда, интересничала, делала большие глаза, держалась таинственно, то говорила, что будет поступать в МГУ, то — что поедет в Петербург, а возможно, вообще за границу. У ее отца был в их городе свой бизнес, Лариска говорила, что он все оплатит.

Ира про институт и не думала. Училась она средне, мать сразу сказала, что репетиторов нанимать ей не станет, она одна дочку тянет, так что платить не с чего. Отца Ира не помнит, мать сказала, что они разошлись до Ириного рождения. Бабушка тоже умерла рано.

Отношения у Иры с матерью были так себе. Мать была строга и к дочери равнодушна. Это Ира опять-таки потом поняла, когда Димка у нее родился. Никогда в жизни не смотрела мать на нее такими глазами, как смотрела Ира на своего сына.

Иногда Ира думала, что она матери просто мешает. Не поговорит мать с ней лишней раз, по голове не погладит, ерунду какую-нибудь в подарок не принесет. Не баловала, в общем, дочку.

Работала мать хирургом в их городской больнице. Говорили, что врач она хороший, настоящий. Может, и правда уставала сильно на работе? Один раз про нее даже в газете написали — дескать, ежедневно спасает человеческие жизни, огромная ответственность на ней лежит и так далее.

Так что на дочку матери, очевидно, не хватало сил. В раннем детстве Ира пыталась

приласкаться, но всегда получала строгую отповедь — не мешай, займись делом. Став старше, Ира уже и не пыталась найти с матерью общий язык.

К выпускному вечеру мать сказала прямо: настоящего доктора из тебя не выйдет, иди учиться на медсестру, два года я тебя прокормлю, а там уж сама будешь. По крайней мере, на жизнь заработаешь. Ира спорить не стала, ей, в общем, было все равно.

После школы все разошлись. Некоторые уехали, кто-то из парней вскоре ушел в армию. Ира окончила медицинское училище и работала в больнице сменной медсестрой. Иногда ходила в кафе и на дискотеку с подружками по училищу. Парня постоянного у нее не было, как-то никто не нравился.

С Вадимом они познакомились случайно. У него был бизнес, связанный с перегонкой машин. Случилась не то авария, не то какая-то разборка, один из его водителей попал в больницу, и Вадим приехал разбираться. Ире было жалко водителя, совсем молодого парня, он сильно пострадал, долго не приходил в сознание. Все это она рассказала Вадиму, он поблагодарил ее и пригласил в кафе — там, дескать, поговорить удобнее. Она согласилась — он был большой, взрослый, самостоятельный мужчина, из Петербурга.

В кафе он сказал, что задержится в их городе недели на две. Они стали встречаться. Ире он понравился — не похож на парней, что вязались к ней на дискотеке. Вадим выгодно от них отличался — хорошо одет, машина своя, старше ее на семь лет — взрослый, солидный, руки сильные. А что грубоват немножко, так это потому что заботы его одолевают, свое дело у него.

Потом он уехал, но приезжал на выходные, останавливался в гостинице. А через несколько месяцев Ира забеременела. Сказала ему, в душе готовясь к тому, что он никак не отреагирует, а потом уедет — и все. Но он повел себя по-хорошему, позвал с собой, сказал, что они сразу распишутся.

Тогда Ира решила познакомить его с матерью. Она сильно трусила — характер у матери испортился окончательно, придя с работы, она скрывалась в своей комнате, они даже ужинали по отдельности.

Мать очень удивилась, приняв от Вадима огромный букет цветов и торт. За столом она молчала, Ире с трудом удавалось поддерживать разговор. Вадим, однако, отнесся к будущей теще спокойно — что она могла ему сделать, чем помешать?

— Зачем он тебе? — спросила мать, когда Вадим ушел, и они остались одни.

— Хочу, чтобы у меня был муж, а у ребенка — отец, — ответила Ира, — не как у меня. Вот скажи — для чего тогда ты меня рожала, если я тебе мешала?

— Дурой была, — ответила мать, она всегда все говорила прямо. Привыкла на своей работе не церемониться.

— Все, теперь заживешь одна, в полном покое, будет у тебя по вечерам тихо, как на кладбище, — не выдержала Ира.

Всегда была тихой, неконфликтной, с подругами ладила, с начальством, с больными, а тут не выдержала.

— Не уживешься ты с ним, я же вижу, — сказала мать, — скрутит он тебя в бараний рог, ты и пикнуть не посмеешь.

— Ты привыкла на человеческие внутренности смотреть, а души не видишь! — крикнула Ира.

— У него души нет, — буркнула мать, — у него внутри вместо души ржавые шестеренки. А впрочем, делай как знаешь. Только на меня не рассчитывай.

— Уж не буду, — вздохнула Ира.

Через неделю Ира собрала вещи и уехала в Петербург. Поезд уходил поздно ночью, у матери было в эти сутки дежурство, так что они и не простились.

Какой-то мужик с бутылкой водки наперевес вылетел из двери магазина и столкнулся с Ириной.

— Что встала на дороге, раззява? — рявкнул он. — Людям пройти не даешь!

Ирина опустила голову и прошла в магазин. Мужик по дороге сильно толкнул ее плечом, при этом в сумке что-то звякнуло, как будто рюмка хрустальная прозвенела — дон-н!

Ирина купила коробочку йогурта, булочку с маком и два банана. Очень удобно, можно на кухню не выходить и не рассказывать Нинке все, что произошло сегодня в суде. Еще раз это все переживать у нее просто нет сил.

Сунувшись за кошельком, она увидела в сумке небольшой сверток, завернутый в гладкую золотистую ткань. Что это может быть? Она взяла сверток в руки, он был довольно тяжелый. И снова послышался тихий звон — дон-н...

— Слушайте, вы платить-то собираетесь? — нервно заговорила продавщица. — У меня очередь стоит!

Ирина молча отсчитала деньги, запихнула продукты в сумку. Нужно взять себя в руки и идти домой. Не останавливаться и не вспоминать свою жизнь, это ни к чему не приведет. Ну, знает она теперь, что мать была права, а что толку?

В квартиру она проскользнула тихонько. На кухне, как обычно, стоял дым коромыслом. Нинка готовила обед, попутно разговаривая с подружкой Валькой по телефону и ругая своего сына Васю за двойки. У дочки в комнате орала музыка.

Баба Шура отиралась тут же, на кухне, ябедничая на Васю и собаку Симу, которая якобы съела ее котлеты. Баба Шура была в легком маразме и котлеты, ясное дело, съела сама, только забыла. Сима — джек-рассел-терьер — держалась индифферентно.

Ирина прошла к себе никем не замеченной. Бросила сумку на шаткую табуретку, присела на продавленный диван, воняющий дезинфекцией, расстегнула сапоги. В голове внезапно зашумело, перед глазами поплыли стены, она едва успела прилечь. В комнате было душно, баба Шура не велела открывать окно, когда никого нет — дескать, могут влезть бездомные коты или голубь влетит и со страху все обгадит, бывали случаи. Окошко было маленькое, только кот и проскочит.

Не было сил встать и проветрить. Ирина закрыла глаза, и тут снова навалились воспоминания.

Сначала все у них с Вадимом было хорошо, то есть это она так думала. Квартира у него была в новом доме, только мебели мало. Ира с радостью начала обустроиваться, покупать многое для будущего ребенка. Они расписались в загсе — тихо, без шумной свадьбы. Кого звать-то, сказал Вадим, у меня родителей нет, у тебя мать вряд ли приедет. Друзьями общими пока не обзавелись, платье шить — так у тебя живот вон растет, через месяц уже заметно будет. Потом праздновать станем, когда родишь. Ира согласилась с его доводами.

И позвонила Лариске, чтобы позвать в свидетельницы. С Ларкой они не виделись года два. Поначалу она приезжала летом к родителям, потом перестала. Мать ее на Ирины вопросы отмалчивалась, говорила, что все хорошо, и Лариса ездит в отпуск на море. Ира не очень и настаивала, знала только, что Ларка в Питере, и вроде бы работа у нее очень хорошая, и в личной жизни все замечательно.

И вот позвонила, чтобы пригласить в свидетельницы. Все-таки с первого класса дружили, за одной партой сидели, тем более что больше все равно некого.

Лариска ответила холодно, от приглашения отказалась, сказала, что занята очень и вообще уезжает в командировку. Ира все поняла — не хочет общаться. Можно было бы догадаться, что не все у Ларки так хорошо, как говорила ее мамаша, потому и не хочет она встречаться со старой подружкой. Однако Ире некогда было раздумывать — свадьба на носу, да еще УЗИ скоро, там скажут, мальчик или девочка будет.

Свидетелем пришел некий Леха, Вадим представил его как своего сотрудника и друга. Леха был рыжий, плохо подстриженный и даже не в костюме, а в какой-то трикотажной кофте. При нем была подружка, которую и взяли в свидетельницы. Девица была здоровенная, как лошадь, и все время громко смеялась.

Вадима часто не бывало дома, он говорил, что работает допоздна, иногда встречается с друзьями. Она неважно себя чувствовала и была только рада, что в квартире тихо и чисто. Потом родился Димка, и Ирина полностью окунулась в материнство. Это было такое чудо — крошечное существо, которое зрело в ней, и вот получилось.

Не сразу она поняла, что Вадим к ребенку совершенно равнодушен. Понятно, первое время многие отцы боятся взять в руки теплый кулечек. Но потом... потом так и не наступило — Вадим все больше и больше времени проводил вне дома.

Ребенок плохо спал ночью, и Вадим стал пропадать и ночами, мотивируя это тем, что ему нужно как следует высыпаться, он должен работать, чтобы их содержать. С деньгами проблем не было, на ребенка вполне хватало. И на жизнь тоже, Вадим даже купил жене машину, которая долго стояла во дворе, потому что не было у Иры времени окончить курсы.

Потом она осмелилась спросить, где это он ночует. И получила резкую отповедь — живешь на всем готовом, содержи тебя и твоего спиногрыза, так какого тебе рожна еще надо?

Остро резануло ее это «твоего спиногрыза», как будто это не его сын, а чужой.

Потом рыжий Леха привез как-то Вадима домой, вдребезги пьяного, и вся рубашка заляпана была чужой губной помадой. Ни слова не говоря, он свалил приятеля на диван и ушел. Ночка была та еще, Ира металась между мужем и орущим ребенком.

Наутро Вадим мотал головой, неразборчиво мычал и требовал похмелиться, Ира ушла гулять с ребенком, чтобы не видеть безобразия, что устроил он в ванной.

Так прошло года два. Димка рос и пошел уже в садик, только все время болел, так что о работе для Ирины не было и речи. Они с Вадимом жили как чужие, то есть он вел себя так, как будто нет у него ни жены, ни ребенка.

Потом наступил кризис, дела у него пошли хуже, и скоро он перестал давать ей денег на жизнь. И на все просьбы посылал матом.

Она давно уже поняла, что мать была совершенно права, что никакой счастливой жизни у них с Вадимом никогда не будет, но деться было некуда, и она терпела. А потом он начал ее бить. Сначала от случая к случаю, потом все чаще. Придет с работы злющий как черт, и любой пустяк его спровоцирует.

Потом пришло письмо из ее города от двоюродной тетки. Письмо было самое обычное, на конверте был нарисован заяц с морковкой под елкой. Тетка писала, что ее мать умерла. Покончила с собой, отравилась снотворным. У нее, дескать, начали дрожать руки, и больной умер на операционном столе. Родственники обратились в прокуратуру, больница, конечно, мать прикрыла, но все же пришлось ей уволиться, хоть скандал удалось погасить. Но мать совсем сдала, руки ее почти не слушались, тут и призвали на помощь тетку.

Ухаживала она за матерью недолго, та уж заговариваться начала, и доктор знакомый сказал, что болезнь эта психическая, за матерью, дескать, кое-какие странности они давно замечали. В общем, мать все же врач, так что вовремя сообразила, что ничего хорошего впереди не ждет, и отравилась.

На Ирин потрясенный звонок тетка ответила, что уже и похоронили и что мать строго-настрого запретила сообщать дочери о своей болезни. У нее, мол, все вроде бы хорошо, так пускай и дальше живет счастливо. Знала бы она...

Ирина тогда впала в отчаяние и впервые заговорила с Вадимом о разводе. За то и получила. Он ударил ее, Димка уже все понимал, бросился к ней и попал под горячую руку.

Много ли надо ребенку? Глядя на сына, лежавшего на полу, Ирина испытала нечеловеческий ужас.

На этот раз все обошлось только парой синяков, Димка ничего себе не сломал, ничего не повредил, даже не сильно плакал. Но когда Ирина увидела лицо Вадима, то поняла, что это конец. Это было не лицо, а какая-то ужасная маска. Если бы не Димка, он бы ее убил, поняла она. А потом и сына.

Дождавшись, когда утром муж уйдет на работу, Ирина второпях собрала самые необходимые вещи и увезла сына в свой родной город. Тетка, которая жила теперь в их квартире, встретила ее не слишком любезно, но согласилась побыть с Димкой пару месяцев, пока Ира свою жизнь не упорядочит. Так и выразилась, и денег, конечно, потребовала на ребенка да за свои услуги.

Перед отъездом Ира сняла все деньги с карточки и правильно сделала, потому что когда вернулась, то обнаружила, что карточка заблокирована. Машину муж купил на свое имя, она ездила на ней по доверенности, так что тут рассчитывать было не на что.

Она заложила обручальное кольцо и серьги, отнесла в магазин неношеные сапоги и сняла комнату у бабы Шуры, заплатив за два месяца вперед. И подала заявление о разводе, сказав по телефону мужу, что ждет только денег на ребенка. И услышала в ответ такое... В переводе на нормальный язык это звучало так: она не получит от него ни гроша и может убираться на все четыре стороны со своим ребенком. А развод — пожалуйста, хоть завтра, как пришла к нему голой, так и уйдет, и так столько лет кормил дармоедку. И еще кое-какие слова добавил.

Ира послушала и пошла к адвокату на консультацию. Тот сказал ей, чтобы она не сомневалась — закон всегда на стороне матери с ребенком, алименты ей обеспечены.

Как видно, адвокат не слишком разобрался в ее ситуации, потому что Вадим поставил себе целью не давать ей ни гроша. Его адвокат был не чета тому, в консультации. Этот сразу видно, что прохиндей, и секретарша в суде сказала, что берет он за свои услуги деньги огромные. На адвоката Вадим денег не жалеет, а на ребенка собственного и гроша не даст. И никогда Ира ничего с него не получит, несмотря на закон. Потому что, как выяснилось, у него все записано на подставных лиц — и фирма, и квартира, только машину Ирину он на себя купил.

Ирина села на кровати и вдруг ясно поняла свое положение. Голова прошла, и в ней появились здравые мысли. До сих пор она на что-то надеялась, в закон верила, в справедливость, но вот сейчас поняла, что ничего не добьется, по судам бегая. Нахлебалась уже унижения выше крыши, а толку — чуть. Даже того меньше. Она провела рукой по лицу и поняла, что ужасно выглядит — тушь размазалась по щекам черными потеками, помада смылась. С таким лицом даже на кухню выйти нельзя, собака Сима испугается.

Ирина открыла сумку, при этом что-то звякнуло внутри. От неожиданности она выронила сумку, и содержимое рассыпалось по не слишком чистому полу. Собирая мелочи, Ирина взяла в руку сверток золотистого шелка.

Ткань развернулась сама собой, и в руке оказался тяжелый колокольчик тусклого металла. К языку колокольчика была привязана такая же золотистая ленточка. По ободу колокольчика шли какие-то знаки, которые Ирина определила как иероглифы. Значит, китайский колокольчик. Но как он попал в ее сумку? Неужели Вадим подсунул? Или этот его прохиндей-адвокат?

Но зачем? Мелькнула дикая мысль, что это какой-то прибор, с помощью которого они теперь все будут о Ирине знать. Есть же какие-то подслушивающие устройства...

С опаской она встряхнула колокольчик, и он отозвался нежным звоном. И слушая этот звон, Ирина вспомнила Димку, своего дорогого сыночка. И представила, как бежит он по тропинке в лесу, запихивая в рот попадающие по пути ягоды черники, и наклоняется, увидев огромный белый гриб. Или на речке кидает камушки, чтобы они отскакивали от воды, он называет их блинчики, Ира в детстве тоже так делала. Когда получается больше трех блинчиков, Димка счастливо смеется щербатым ртом — нижний правый зуб у него выпал недавно.

Как же она соскучилась по нему! И что она делает вдаль от него, в этом огромном, равнодушном городе, так и не ставшем ей родным? Нужно ехать к Димке, быть рядом с ним, защищать его от всех бед и несчастий. Ведь у него никого нет, кроме нее. Ничего, она будет работать, проживут они и вдвоем. На суд она вообще не пойдет — хватит с нее оскорблений и ругани. Все равно с этого монстра, ее бывшего, ничего не получишь. А это даже и к лучшему, что Димка с таким папочкой общаться не будет, от таких людей нужно подальше держаться.

Колокольчик снова зазвенел мелодично. Ирина прислушалась к нежному звону и поняла, что на ее истерзанную душу снизошло спокойствие. Она приняла решение — жить для сына. И вдруг появились у нее силы. И надежда. Все будет у них хорошо, все наладится, она все преодолеет.

— Ирка, ты жива там? — Это соседка стучала в дверь. — Опять тебя бортанули? Поешь хоть, у меня борщ свежий, только сварила... Или не будешь?

— Буду! — Ирина решительно поднялась с продавленного дивана, осознав, что ужасно хочется есть.

Во времена правления императора Цзи-Фу в городе Тайшане провинции Шаньдун жил молодой повеса по имени Лю Сюань. Он был беден, но отличался смелостью и находчивостью. Дни свои он проводил в кутежах и попойках, не думая о завтрашнем дне. В городе, где он жил, был большой дом, принадлежавший одному знатному господину. Однако дом этот был заброшен, поскольку в нем завелась нечистая сила, и никто не хотел в нем жить.

Прошло много времени, нежилой дом сильно обветшал, его двор зарос бурьяном и сорняками, и даже среди белого дня никто не решался туда входить.

Как-то Лю Сюань устроил с друзьями попойку. Было выпито немало вина, когда один из сотрапезников сказал:

— Найдется ли среди нас смельчак, который осмелится провести ночь в заброшенном доме? Если бы такой смельчак нашелся, я бы устроил для него богатый пир!

Лю Сюань к тому времени был уже сильно навеселе. Услышав слова приятеля, он

вскочил и сказал:

— Что же в этом трудного? Я хоть сейчас отправлюсь в этот дом! Прямо сейчас и пойду!

Товарищи стали его отговаривать:

— Говорят, в этом доме завелась нечистая сила, в него и днем-то никто не заходит!

— Я ничуть не боюсь нечистой силы! — хвастливо заявил Лю Сюань. — Ничуть не боюсь и докажу вам это!

Он взял циновку, одеяло, связку свечей и отправился к заброшенному дому. Друзья проводили его до самых ворот, пытаясь отговорить. Видя, что он настроен решительно и ни за что не передумает, они сказали напоследок:

— Мы подождем тебя здесь. Если тебя все же что-то испугает — кричи, мы придем на помощь.

— Я не таков, чтобы испугаться какого-нибудь привидения, — отвечал друзьям Лю, — если же кто-то все же появится в доме, будь то демон или лиса-оборотень, я постараюсь что-нибудь захватить вам в доказательство.

С этими словами он вошел в ворота заброшенного дома.

Войдя в ворота, он увидел запущенный сад, заросший высоким бурьяном, пыреем и лопухами чуть ли не в человеческий рост. Тропинки, которые прежде были в саду, давно уже заросли и найти их среди сорняков было трудно. Среди этого запустения виднелось несколько полуразрушенных строений.

В ту ночь светила полная луна, и ее бледный обманчивый свет заливал все вокруг.

В этом неверном свете Лю нашел дверь главного здания, вошел внутрь и по полусгнившей лестнице поднялся на верхний этаж, на залитую лунным светом просторную террасу, где он и решил устроиться на ночлег.

Луна светила ярко. Лю любовался ее светом. Ничего страшного или странного не происходило, и его начало клонить в сон. Посмеявшись про себя над пустыми слухами, которые распространяют досужие люди об этом доме, Лю расстелил на террасе свою циновку, подложил под голову сложенное одеяло и улегся.

Он долго любовался созвездиями, усыпавшими небо, как драгоценные камни наряд придворной дамы. Скоро глаза его начали слипаться, и он уже почти заснул, как вдруг в нижнем этаже дома послышались какие-то шаги и голоса.

Сон тут же слетел с Лю Сюаня. Он вскочил со своей циновки и подкрался к краю террасы, откуда мог, оставаясь незамеченным, видеть нижнее помещение.

Видит — в комнату вошла какая-то служанка с фонарем в виде лотоса в руке. Оглядевшись, она кого-то позвала:

— Можете входить, госпожа, здесь никого нет!

Тут же в комнату вошла девушка изумительной красоты в платье из красного шелка. Лицо ее было прекрасно, как цветок только что распустившейся розы, походка грациозна, как поступь лани, голос нежен и звонок, как горный ручеек.

Сердце Лю Сюаня замерло от восхищения, дыхание его перехватило. Он застыл, любуясь красавицей. Ему казалось, что никогда в жизни он не лицезрел подобной красоты.

Красавица же вышла на середину комнаты, оглянулась и проговорила своим мелодичным голосом:

— Где же остальные мои сестры?

— Они еще не пришли, госпожа! — ответила ей служанка. — Вам придется немного

подождают.

— Как это неприятно, — проговорила красавица, ударяя по руке красным шелковым веером, — как это неприятно — ждать в таком запущенном доме, где нет никого, кроме змей и скорпионов! Не дай бог, здесь еще и оборотни водятся. Говорят, они часто поселяются в таких заброшенных домах!

Лю Сюань хотел уже выйти из своего убежища, показаться красавице и предложить ей свое общество, но в это время у входа в дом снова послышались чьи-то шаги.

Скрипнула дверь, и в комнату вошла еще одна служанка с фонарем в руке. Увидев девушку в красном платье, она поклонилась ей, обернулась и позвала кого-то:

— Входите, госпожа, ваша первая сестра уже здесь и ждет вас!

Не успел отзвучать ее голос, как в комнату впорхнула еще одна красавица, в платье из темно-зеленого переливчатого шелка. При виде ее Лю Сюань едва слышно ахнул: красота ее затмила красоту сестры, как взошедшее солнце затмевает своим золотым светом серебристое сияние луны.

— Здравствуй, сестра! — прозвучал нежный голос новой красавицы. — Надеюсь, тебе не очень долго пришлось ждать меня. Я спешила как могла!

— Здравствуй, Вторая! — отозвалась девушка в красном. — Я ждала тебя недолго, но двух наших младших сестер пока нет. Они, как всегда, опаздывают!

— Третья стража еще не наступила, так что у нас еще есть время.

Не успела Вторая договорить эти слова, как послышался крик ночной птицы, а затем раздались легкие шаги, и в дом вошла третья служанка с зажженным фонарем в руке. Поклонившись двум красавицам, она выглянула за дверь и позвала кого-то:

— Извольте войти, госпожа, ваши старшие сестры уже пришли и ждут вас!

Едва прозвучали эти слова, как в комнату вошла третья красавица, облаченная в шелковое платье чудесного синего цвета.

Лю Сюань просто не верил своим глазам: эта третья девушка была еще прекраснее первых двух. Казалось, что сама весна легкими шагами вошла в этот заброшенный дом, или же все весенние цветы отдали красавице свою красоту.

— Здравствуйте, сестрички! — проговорила третья красавица нежным голоском. — Давно ли вы ждете меня?

— Не так уж давно, Третья! — отвечала ей девушка в зеленом платье. — Все равно нашей четвертой сестры пока еще нет.

— Четвертая всегда заставляет себя ждать, такой уж у нее характер! — недовольно произнесла девушка в красном. — Чтобы не терять время, давайте, сестры, пока поговорим о том, что нам предстоит сделать.

— Что мы можем сделать? — вздохнула Вторая. — Генерал схвачен и завтра на рассвете будет казнен, как мятежник.

— Боги отвернулись от нас! — вскрикнула Третья.

— Но колокольчики еще у нас, значит, еще не все потеряно! — возразила Первая.

— Что мы можем сделать? Мы — всего лишь слабые женщины...

— Если генерал будет казнен, нам останется только одно: спрятать колокольчики в надежном месте, чтобы они не попали в дурные руки и чтобы мы могли использовать их в новом перерождении, когда судьба будет к нам более благоприятна.

— Это тоже будет непросто, сестра! Ты ведь знаешь, что слуги Черного Даоса идут по нашим следам. И с ними наша тетушка. Трудно нам будет спрятать от них колокольчики.

— Но где же Четвертая? Скоро уже наступит третья стража, а ее все нет!

И тут из угла донесся тихий голос:

— Я здесь, сестрички! Я давно уже здесь, я слушаю и смотрю, и я знаю, что здесь есть чужой!

Тут же на середину помещения выбежала лиса. Она завертелась на месте, словно пытаясь поймать собственный хвост. Поднялся столб пыли, который на мгновение скрыл лису, когда же пыль улеглась, лисы не было, а на ее месте стояла девушка в платье из золотистого шелка, столь прекрасная, что перед ней померкли остальные сестры.

При виде ее красоты у Лю Сюаня перехватило дыхание, как будто чья-то рука сдавило его горло.

— Ты, как всегда, ведешь себя неподобающим образом, Четвертая! — недовольно воскликнула девушка в красном платье.

— Я, как всегда, поступаю предусмотрительно, Первая! — ответила ей младшая сестра. — Я пришла сюда раньше вас, затаилась и видела, как в этот дом пробрался посторонний человек.

— Посторонний? — недоверчиво переспросила Первая. — Где же он?

— Он прячется на верхнем этаже и следит за нами! — И Четвертая показала на то место, где притаился Лю Сюань.

Молодой человек ахнул, попытлся, но прогнивший пол провалился под ним, он упал на первый этаж и потерял сознание.

Лена Карташова пришла в сестринскую за десять минут до начала смены, переоделась в больничную униформу и отправилась на пост. Светы Тюлькиной, которую она должна была сменить, на посту не было. Лена нашла ее в реанимации — Света меняла капельницу у нового больного. Тот лежал, не подавая признаков жизни, спеленатый бинтами, оплетенный трубками и проводами.

— Что с ним? — равнодушно спросила Лена, за три года работы в больнице она научилась спокойно воспринимать любые человеческие несчастья.

Если каждому больному сочувствовать, никаких нервов не хватит, они у нее не железные.

— Сегодня привезли, в метро под поезд упал. В коме. Еще удивительно, что жив. Но вряд ли выкарабкается. Его так искалечило — вообще непонятно, как сумели до нас довести.

Заметив прочерк на месте имени, Лена удивленно взглянула на Тюлькину.

Та ответила на незаданный вопрос:

— Да, документов при нем не было, так что ничего не знаем — кто такой, как зовут. Да и зачем — ясно, что недолго ему осталось. Хотя родственники, наверное, искать будут...

«Не мои проблемы», — подумала Лена.

Света закончила работу, переоделась и ушла.

Карташова обошла отделение.

Больные спали, только старик в шестой палате смотрел больными запавшими глазами, при появлении сестры что-то забормотал, поднялся на локте.

— Спите, спите! — Лена поправила сбившееся одеяло и вернулась на пост.

Проверила мониторы, достала из стола книжку в ярком глянцево переплете и начала читать.

Наступила тяжелая, вязкая больничная ночная тишина, нарушаемая только негромким

гудением люминесцентных ламп да тяжелым дыханием, доносящимся из первой палаты.

Через час строчки стали расплываться перед глазами, двоиться.

Лена встала, прошлась, чтобы отогнать сон.

Вдруг дверь отделения с негромким скрипом приоткрылась.

Лена повернулась и увидела в дверях сутулого человека в белом несвежем халате, накинутом поверх куртки. На голове у незнакомца был темный капюшон, из-под которого пристально смотрели странные белесые глаза.

— Вы кто? — удивленно, негромко спросила Карташова, стараясь не спугнуть тишину. — Вы зачем?

— Помогите, сестричка! — едва слышно прошелестел голос из-под капюшона — и незнакомец покачнулся, схватился за притолоку, чтобы не упасть. — Помогите, мне плохо...

Лена шагнула навстречу, поддержала незнакомца за локоть, заглянула под капюшон — но не разглядела ничего, кроме тускло светящихся белесых глаз. А незнакомец неожиданно схватил ее за руку. Его руки были холодными и твердыми, как железо.

— Вы что? Вы почему? — забормотала Лена, пытаясь высвободиться — и вдруг почувствовала укол в предплечье и только после этого увидела в руке незнакомца одноразовый шприц.

— Что... — ахнула девушка, но не успела договорить — в глазах у нее потемнело, больничный коридор поплыл и растаял в глухой пульсирующей темноте.

Человек в капюшоне подхватил ее под руки, не дав упасть, доволком до поста, осторожно усадил на стул, опустил лицом на раскрытую книгу. Теперь со стороны казалось, что дежурная медсестра просто заснула за чтением.

Взглянув на нее со стороны, человек в капюшоне сорвал со стены листок, где были отмечены номера палат и имена пациентов. Найдя среди них прочерк на месте фамилии, удовлетворенно кивнул и направился вперед по коридору.

В палате реанимации увидел безжизненное тело — бинты, трубки, провода. Склонился над ним.

Глаза пациента были закрыты.

Рядом с кроватью ритмично работал включенный в сеть громоздкий механизм — прибор искусственного дыхания. По голубоватому экрану пробежала светящаяся синусоида, показывая, что человек на кровати пока еще жив.

— Думаешь, ушел от меня? — прошипел человек в капюшоне. — Думаешь, я тебя не достану? Пока ты жив, ты нигде от меня не скроешься! Нигде — даже в коме!

Он склонился еще ниже и забормотал какие-то непонятные слова, бессмысленные, но пронизанные странным, завораживающим, музыкальным ритмом.

По телу больного пробежала крупная дрожь, веки его затрепетали, раздался едва слышный стон.

Человек в капюшоне отстранился, достал из кармана крошечную серебряную коробочку вроде табакерки, на крышке которой были выгравированы иероглифы. Открыл табакерку, высыпал из нее на ладонь щепотку серебристого порошка, дунул на ладонь, чтобы порошок разлетелся по комнате. В палате запахло чем-то незнакомым, чем-то пряным и волнующим, как южная ночь.

По безжизненному телу пробежала новая волна дрожи, бледные губы чуть заметно пошевелились.

Человек в капюшоне снова забормотал свои заклинания — и веки пациента дрогнули и

открылись. Глаза его были пустыми и темными, как два колодца.

Человек в капюшоне наклонился еще ниже, его белесые глаза пристально уставились в темные глаза больного, словно пытаясь выпить их, вытянуть из них остатки жизни.

— Ты не спрячешься от меня! — шептал человек в капюшоне. — Я увижу то, что видел ты! Я узнаю, куда ты их дел!

И действительно, он словно погрузился в темные глаза умирающего, в два бездонных колодца — и увидел там, в самой глубине, переполненный вагон метро, увидел женское лицо — усталое, измученное, с выражением привычной горечи и отсутствия надежды на лучшее. По щеке женщины текла слеза, оставляя неровную дорожку. Потом картинка немного сместилась, в кадре появилось другое лицо — но куда более ухоженное, более уверенное в себе, хотя и на нем было выражение озабоченности. Но представить эту женщину плачущей в метро было невозможно.

И снова смена кадра.

Еще одно женское лицо: ни следа косметики, только погружение в себя и задумчивость. И ранние морщинки вокруг глаз, видные даже из-под очков в простой оправе.

И еще одно, наоборот, слишком сильно покрашенное, разноцветные, давно не мытые волосы...

Человек в капюшоне выпрямился, провел рукой по глазам.

Он запомнил все четыре лица, запомнил навсегда, как будто записал их на жесткий диск своей памяти. Теперь этот жалкий полутруп был ему больше не нужен.

Он протянул руку и выдернул провод из розетки.

Прибор искусственного дыхания напоследок мучительно всхлипнул, как будто оплакивая оборвавшуюся жизнь, и остановился. Светящаяся кривая на экране монитора превратилась в прямую линию. В палате наступила тишина.

В ватной темноте беспамятства проступило какое-то пятно.

Нет, это было не пятно, это был звук — тревожный, беспокойный, навязчивый.

Лена Карташова с трудом оторвала голову от стола и удивленно огляделась.

Она заснула на посту? Такое уже бывало, и не раз — попробуй бодрствовать целую ночь напролет.

Она пришла в себя и осознала, что звук, который ее разбудил, — сигнал на пульте, показывающий, что больной в реанимации перестал подавать признаки жизни.

Она вскочила, добежала до палаты и увидела там неизвестного пациента.

Теперь глаза его были широко открыты, но в них не было ничего, кроме пустоты и тьмы. Ничего, кроме пустоты и тьмы смерти.

Что ж, этот человек был уже на грани смерти, вряд ли он мог выкарабкаться...

В следующий момент Лена увидела, что прибор искусственного дыхания не работает, а вилка его выдернута из сети.

Вот это было уже непонятно. Непонятно и скверно. За это ей может влететь...

Но как это произошло?

Лена нахмурилась, пытаясь вспомнить, что было до того, как она заснула.

Перед ней смутно возникла сутулая фигура, лицо, скрытое капюшоном...

Что это было?

Скорее всего, сон.

Во всяком случае, лучше пусть это будет сон, чем ее просчет. Лучше сон, чем

небрежность.

Лена вставила вилку прибора искусственного дыхания в сеть и нажала кнопку вызова дежурного врача.

Ахмет Аладдинов работал ночным таксистом.

Ночью работать лучше, чем днем, — улицы свободны, нет пробок, да и пассажиры более покладисты, не торгуются из-за лишней десятки. Правда, ночью можно нарваться на неприятности, но кто не рискует — тот ничего не заработает, а кроме того, на всякий непредвиденный случай Ахмет держал под сиденьем тяжелую монтировку.

Вот и этой ночью Ахмет медленно ехал по улице, высматривая клиентов.

Однако этого клиента он сперва не заметил, тот выскочил словно из-под земли, так что Ахмет едва успел затормозить. Вот только что никого не было — и вдруг он появился.

Клиент стоял на краю тротуара, подняв руку.

Странный был клиент. Сутулый, в темной куртке с низко опущенным на лицо капюшоном, из-под которого тускло светились белесые сумрачные глаза.

Ахмет почувствовал какую-то неприятную тянущую боль под ложечкой. Этот клиент ему определенно не нравился.

Но за эту ночь он заработал слишком мало, так что не мог себе позволить излишнюю разборчивость. Клиент есть клиент, а на крайний случай под сиденьем лежит монтировка...

Ахмет затормозил, открыл дверцу и проговорил:

— Садись, дорогой!

Странный человек сел рядом с ним, откинулся на сиденье.

Он ничего не говорил, и от этого молчания у Ахмета снова неприятно затянуло под ложечкой.

— Куда едем, дорогой? — спросил он, повернувшись к пассажиру.

Тот еще какое-то время молчал, но наконец проговорил неприятным скрипучим голосом:

— На Звенигородскую.

— На Звенигородскую так на Звенигородскую! — Ахмет выжал сцепление и поехал. По дороге он пару раз попытался заговорить с пассажиром, но тот в ответ молчал, и молчание это было таким тяжелым и холодным, что Ахмет прекратил свои попытки.

Наконец он свернул с Загородного проспекта на Звенигородскую улицу и спросил пассажира:

— Где остановиться?

— Здесь!

— Здесь так здесь. — Ахмет торопливо затормозил, взял у неприятного пассажира деньги и как можно скорее уехал, как только тот вышел из машины.

В центре города, на Звенигородской улице, стоят старые склады, построенные еще в начале XIX века. Последние лет двадцать эти склады пустовали, дожидаясь нового хозяина, который сможет вложить большие деньги в их ремонт и реконструкцию, — и, кажется, наконец дождались. Фасад складов затащили монтажной сеткой, и за их стенами начались неторопливые работы.

К этим-то складам поздно ночью подошел сутулый человек в опущенном на лицо капюшоне.

Оглядевшись по сторонам, он отдернул край зеленой сетки, поднырнул под нее, немного прошел мимо стены склада и проскользнул в незаметный со стороны пролом.

За стеной была обычная стройплощадка — ямы и колдобины, груды строительного мусора, завалы старого кирпича, обломки камня, ржавая арматура.

Однако в глубине этой стройплощадки виднелась уцелевшая постройка — приземистое кирпичное сооружение столетней, а то и двухсотлетней давности. Впрочем, в этой постройке не было романтической привлекательности старины — это было довольно безобразное строение из мрачного темно-красного кирпича. К этому-то сооружению и направился странный человек.

Подойдя к двери, он еще раз огляделся. Впрочем, это была напрасная предосторожность — ночью на стройплощадке не было ни души. Даже бомжи обходили ее стороной.

Как ни странно, дверь была заперта.

Человек в капюшоне достал из кармана большой старинный ключ с фигурной фасонистой бородкой, вставил его в замочную скважину, повернул.

Открыв дверь, вошел внутрь.

Внутри было темно и сыро.

Странный человек нашарил слева от входа подсвечник, чиркнул спичкой, зажег свечу. Ее слабый свет не смог разогнать темноту, густую и застоявшуюся, как болотная вода, однако высветил уходящие куда-то под пол каменные ступени.

Человек в капюшоне спустился по этим ступеням в длинный, просторный подвал со сводчатым, в сырых разводах потолком. Здесь он зажег от своей свечи еще несколько свечей, вставленных в тяжелый бронзовый канделябр.

[Купить полную версию книги](#)